

А. Д. Попова

Легенды о банде «Черная кошка» как отражение феномена криминальных мифов в российском общественном сознании

Миф, бесспорно, может рассматриваться как элемент картины мира, формируемой под влиянием конкретных исторических обстоятельств. Ошибочно считать, что мифы представляют собой исключительно выдуманные образы. Мифы древних народов отражали конкретные условия, в которых жили их создатели. Посейдон у древних греков отражал наличие моря, а леший — наличие у древних славян лесов. Д. Н. Михайлов совершенно точно подчеркивает: «На уровне коллективной памяти миф оказывается необходимым, объективным и уникальным средством хранения и использования совокупного общественного опыта, становится подсознанием общественного сознания»¹. С развитием общества мифы не исчезают полностью, жизнь создает новые мифологические образы, которые фиксируют новые исторические явления и факты. Более современные мифы традиционно называют социальными мифами, выделяя их отличительные черты: «Социальную мифологию можно определить как совокупность идей о социальной реальности. В сравнении с классическим мифом в социальной мифологии происходит перенос акцентов из сферы сверхъестественного в область интерпретации социальных отношений»². Иными словами, элементами этой мифологии становятся не вымышленные персонажи (боги, лешие,

Попова Анна Дмитриевна
д-р ист. наук,
проф., Рязанский
государственный
университет имени
С. А. Есенина
(Рязань, Россия)

водяные), а более реалистичные явления окружающего мира, при этом сохраняются главные черты мифологического сознания — образность и сочетание вымысла и реальности. Как отмечает Д. Н. Михайлов, «миф оперирует образами. Это обеспечивает ему запоминаемость, узнаваемость, целостность. В то же время любой образ допускает различия в толкованиях его деталей, что позволяет мифу обрастать бесчисленными подробностями, вариантами»³. Образ несет смысловую нагрузку, отражая историческую реальность, чаяния народа или задачи власти. Можно сказать, что миф является одним из способов отражения ментальных установок, сложившихся в обществе. Их изучение очень важно для процесса формирования гражданского общества в современной России. С этой точки зрения нельзя не учитывать мифологию советского общества. Некоторые мифы возникали при содействии власти: мифы о народном характере власти, дружбе народов и др. В то же время рождались мифы и неофициальные, которые создавал сам народ.

В российском общественном сознании мифы на криминальную тематику имеют давнюю историю. Одними из самых первых мифологических образов можно назвать древние сказания о Соловье-разбойнике, который сидит на дереве и грабит проезжающих путников. В период образования централизованного государства и даже в период его существования передвигаться по российским дорогам и в самом деле было небезопасно.

Оставили свой след в общественном сознании россиян и мифы о благородном разбойнике или отечественном Робин Гуде. Их всплеск приходится на рубеж XIX–XX вв., когда начинают остро проявляться противоречия развития капитализма, происходит быстрое имущественное расслоение, как в городе, так и в деревне. Наверное, самым популярным стал миф о Соньке Золотой Ручке — ловкой воровке и мошеннице, которая «облегчала кошельки» исключительно у богатых людей и, более того, даже делилась награбленным с бедными. Еще до революции про Соньку Золотую Ручку публиковали рассказы в газетах и снимали фильмы, в которых ловкость и хитрость преступницы делали ее привлекательной героиней. Аналогичные качества приписывали и Г. И. Котовскому — бандиту из Бессарабии. Также легендами была овееяна и криминальная деятельность одесского налетчика Мишки Япончика.

Легенда о благородном разбойнике получила продолжение в и годы нэпа. Возвращение к рыночной экономике привело к возникновению слоя обеспеченных людей, которые стали желанным объектом нападения. Самым известным налетчиком эпохи нэпа стал Леонид Пантелеев. Народная молва также приписывала его налетам социальные мотивы: грабит исключительно буржуев, пьющих народную кровь, похищенные деньги тратит на благотворительность. В данном случае мифы о благородных разбойниках, которые грабят только богатых и делятся с населением, были рождены нарастающим социальным неравенством. Преступники, совершавшие якобы благородные поступки, стали символом воплощения идей социальной справедливости. Во многом это было связано с особенностью ментальных установок российского общества, возникших в дореволюционный период, и исторической действительностью: склонность к уравнительной справедливости вызывала нетерпи-

мость к успешным людям, которые смогли разбогатеть. В то же время низкий уровень социальной защиты также способствовал росту потребности в этих мифах: хотелось верить в мифических разбойников, которые отнимут у проклятого эксплуататора его добро и поделаются с нуждающимися.

Интересно, что советская власть неоднозначно относилась к легендам о благородных разбойниках. Частично она поддерживала их, считая противоправные действия таких «героев» социальным протестом. В частности, это касается Котовского, чей образ закрепился в пропаганде именно как фигура борца против эксплуататоров — его именем назывались улицы и города, про него снимались фильмы, а его разбойным нападениям в массовой литературе был придан благородный характер: «Котовский со своей дружиной напал на отряды стражников, отбивал арестантов, внезапно появлялся в господских усадьбах, где первым делом уничтожал долговые расписки крестьян, затем сжигал усадьбу и увозил все добро. Он вел строгий учет всему, что отбирал у помещиков и купцов. Часть денег раздавал крестьянам, часть передавал в Красный Крест, себе оставлял лишь на содержание дружины»⁴. Также советская власть всегда одобряла и популяризировала писателя Исаака Бабеля, в том числе его цикл небольших произведений «Одесские рассказы». Главным героем рассказов является благородный бандит Беня Крик, прототипом которого выступил известный одесский налетчик Мишка Япончик. Конечно, такой индულгенции на дореволюционные криминальные подвиги заслужили не все. Как правило, это касалось тех бандитов, которые приняли советскую власть и помогли ей. Котовский стал известным командиром Красной армии. В Одессе профессиональные воры в тот период, когда власть в городе принадлежала белым, помогали большевикам прятаться от денкинцев⁵.

При этом Сонька Золотая Ручка и Пантелеев, не имевшие «заслуг» перед советской властью, всегда позиционировались именно как преступники. Известный советский писатель Лев Шейнин в своих рассказах изображает Пантелеева как циничного и наглого бандита: «Под грубо и наивно намалеванной маской “грабителя-джентльмена”, смельчака, рыцаря, “рубахи-парня” и “грозы нэпа” в действительности скрывался и жил расчетливый, жадный, холодный и очень опасный уголовный преступник, не останавливавшийся перед самыми тяжкими преступлениями»⁶.

Зато советская эпоха родила свои криминальные мифы. Одним из таких достаточно распространенных и известных стал образ страшной и неуловимой банды «Черная кошка». Данное название профессионального криминального сообщества отражено в искусстве: в 1975 г. выходит роман братьев Вайнеров «Эра милосердия», а в 1978 г. на Одесской киностудии по роману снят популярный многосерийный фильм «Место встречи изменить нельзя». Сюжетная линия как книги, так и фильма построена вокруг истории ликвидации сотрудниками Московского уголовного розыска банды «Черная кошка», которая грабила магазины и склады, убивала людей, при этом оставляла на месте происшествия страшный знак — либо рисунок черной кошки, либо живого черного котенка. О популярности фильма свидетельствуют не только многократные его повторы по различным телевизионным каналам, но и попытки использовать образы

Вывеска у входа в кафе «Черная кошка», г. Ярославль (фото автора)

героев в современном бизнесе. Например, в Ярославле можно пообедать в кафе «Черная кошка», где интерьер заведения выполнен в духе 1950-х гг., на стенах изображены герои, а на вывеске — кошка из знаменитого сериала.

В начале XXI в. на экраны один за другим выходят фильмы, где сюжетная линия построена вокруг борьбы с уголовной преступностью в послевоенные годы. Одним из первых стал многосерийный фильм «По ту сторону волков» (2002), потом одним за другим появились: «Ликвидация» (2007), «Черные волки» (2011), «Легавый» (2012), «Марьяна роща» (2013), «Легавый-2» (2014), «Марьяна роща-2» (2014). Сериал «Ликвидация» получил большую известность и признание зрителей. Появились и сериалы, непосредственно посвященные неуловимой банде «Черная кошка»: в 2013 г. — «Черные кошки», в 2016 г. — «Черная кошка». В последнем обыгрываются действия банды, существовавшей на самом деле в Москве и Подмосковье в 1951–1952 г. Ее возглавлял некий

Митин (в фильме он становится Мишиным).

Банда «Черная кошка» оставила след и в творчестве журналистов. Так, в газете «Мир криминала» вышел материал о заместителе начальника уголовного розыска Одессы Давиде Михайловиче Курлянде⁷. После показа сериала «Ликвидация», где действие происходит в послевоенной Одессе, интерес к этому бесспорно выдающемуся сотруднику уголовного розыска возрос. Его стали воспринимать как прототип главного героя сериала — Давида Гоцмана (хотя многие моменты в жизни Гоцмана и Курлянда явно не совпадают). В Одессе на Еврейской улице, где находится управление органов внутренних дел Одесской области, стоит памятник милиционеру послевоенной поры. Внешне бронзовый милиционер очень похож на Курлянда, но горожане стали называть его памятником Гоцману. Согласно статье в газете «Мир криминала», именно Курлянду пришлось ликвидировать в 1946 г. жестокую банду, именовавшую себя «Черная кошка» и возглавляемую неким Марущаком. Поимка банды представлена захватывающей историей, в которой нашлось место многим эффектным деталям: погоням за главарем по катакомбам, перестрелкам до последнего патрона, смерти главаря от ампулы с цианидом.

Известный актер и создатель популярной программы «Следствие вели...» Леонид Каневский тоже обратился к образу страшной банды. Одна из его

передач так и называлась — «Черная кошка». В ней подробно рассказывалось о банде Митина, которую авторы позиционировали как прообраз «Черной кошки» из романа братьев Вайнеров. Одним из героев передачи стал бывший сотрудник МУРа Владимир Арапов, которого представили прототипом Владимира Шарапова, одного из главных героев сериала «Место встречи изменить нельзя». Арапов и Шарапов в самом деле имеют общие черты: оба бывшие фронтовики, пришли в уголовной розыск сразу после фронта. В передаче не утверждается, что банда Митина использовала этот фирменный знак — подбрасывать кошку или рисовать ее изображение. Более того, четко оговаривается, что между собой сотрудники уголовного розыска называли эту банду иначе — «бандой высокого блондина» (по словам свидетелей, преступниками руководил высокий молодой парень со светлыми волосами).

Авторы передачи постарались быть как можно ближе к исторической правде и не стали придумывать захватывающие элементы, которых много в фильме «Место встречи изменить нельзя», — погони, внедрение в банду. Сюжет передачи показывает, что банда была поймана в ходе кропотливой работы с информацией. Ключевую роль сыграл эпизод с ограблением сберкассы: когда сработала сигнализация, то сотрудники милиции, вместо того чтобы выехать на сигнал, просто позвонили и спросили: «Это сберкасса?». В ответ услышали: «Нет, это стадион». Как утверждают создатели передачи, именно с этого началась новая линия поиска: искали не профессиональных уголовников, а спортсменов. В результате бандитами оказались работники-передовики секретного завода, все вместе они трудились в одной бригаде и играли в одной хоккейной команде.

Насколько близки к реальности творчество журналистов и кинематографистов? Является ли легендарная «Черная кошка» лишь фантазией, не имеющей ничего общего с реальностью, созданной для привлечения внимания и денег читателей и зрителей? Или эта страшная банда все же существовала?

Если обратиться к архивным данным, то становится ясно, что одной из самых страшных проблем послевоенной жизни в СССР был высокий уровень преступности. По данным донесения министра внутренних дел СССР С. Круглова, в 1946 г. ликвидировано 2895 банд уголовников, а также 1196 банд, члены которых использовали в своей деятельности националистические идеи⁸.

Памятник советскому милиционеру в Одессе на ул. Еврейской (фото автора)

Более того, в следующие месяцы ситуация не улучшилась, а даже ухудшилась. В справке о результатах работы Главного управления по борьбе с бандитизмом МВД СССР и периферийных органов МВД по борьбе с бандитизмом за 1947 г. констатировалось: «В начале 1947 г. имел [место] значительный рост бандитских проявлений по сравнению с последними месяцами 1946 г.»⁹ За первый квартал 1947 г. число проявлений банд выросло на 36,5 %¹⁰.

Причины очевидны — крайняя бедность людей в разоренной войной стране. Описывая повседневную послевоенную жизнь, сотрудник милиции в Кронштадте В. М. Берников констатирует: «Жили от зарплаты до зарплаты, многие постоянно занимали»¹¹. Засуха 1946 г. еще сильнее обострила ситуацию. Даже после войны люди страдали от голода. Именно бедность порой заставляла идти людей на преступления, похищать мелкие бытовые ценности вплоть до ношенных пиджаков и сапог. Тот же В. М. Берников отмечает: «Много краж совершали в группах и поодиночке, молодежь до 25 лет. В числе ворованного деньги от 10 до 50 рублей, много облигаций госзаймов. Велосипеды, фотоаппараты, носильные вещи, плащи, рубашки, пиджаки, обувь»¹².

На руках населения оставалось большое число холодного и огнестрельного оружия. Упоминание черного пистолета в знаменитой песне Владимира Высоцкого «На Большом Каретном» — яркая черта повседневной жизни и послевоенного детства. Сотрудники милиции проводили огромную работу по изъятию оружия у населения и с мест боевых действий. Только за 1947 г. изъято: 1332 автомата, 13 693 винтовки, 16 716 пистолетов и револьверов, 522 гранаты¹³. Однако изъять все моментально было нельзя. Сыграли свою грустную роль и две амнистии, 1946 г. и 1953 г., когда на свободу вышли не только осужденные за незначительные преступления, но и имевшие в послужном списке судимости за грабежи и убийства.

Банды действовали по всей стране — грабили магазины и склады, квартиры граждан, совершали нападения на улицах. Мемуары людей, переживших послевоенные годы, фиксируют, что в народе и в самом деле было много разговоров об опасной и неуловимой преступной группе «Черная кошка». Георгию Задорожникову выпало провести детские и юношеские годы в Севастополе, пережить ребенком годы оккупации, трудности послевоенного времени. Как черту послевоенного быта он отмечает высокий уровень преступности: «Наверное, это была зима 1945 г. Еще шла война. По городу стали расползаться слухи о грабежах квартир и прохожих в поздние ночные часы... Потом вести стали приходить серьезнее. Трупы убитых людей в развалках, нападения на офицеров. Стали поговаривать, что в городе шалит банда «Черная кошка»¹⁴. Разговоры о «Черной кошке» ходили и в Рязани¹⁵.

Архивные документы также сохранили много примеров действия банд, которые вполне могут ассоциироваться с бандой, изображенной в романе братьев Вайнеров и в знаменитом фильме.

Неуловимая и опасная банда Митина, обыгранная в фильме «Черная кошка» и в передаче Л. Каневского, существовала на самом деле. В банду входило несколько человек: И. А. Митин, А. Е. Аверченков, В. В. Лукин, Ф. И. Базаев, Н. Я. Григорьев и П. Н. Болотов. Все, кроме Болотова, были достаточно

молоды — 20–25 лет, Митин и Лукин до этого вступали в небольшие конфликты с законом, но в целом все члены банды имели образ вполне законопослушных граждан — работали на заводе, Лукин числился студентом авиационного института, Григорьев состоял в комсомоле, а Болотов даже был членом партии¹⁶. Все налеты ими совершались в основном одним и тем же способом: врываясь в магазин, бандиты под угрозой огнестрельного оружия принуждали покупателей и продавцов (в ряде случаев до 70 чел.) ложиться лицом вниз или насильно загоняли их в подсобное помещение и там закрывали; в тех, кто пытался оказать им сопротивление, — стреляли. Всего банда совершила 15 вооруженных налетов, в ходе которых было убито 7 чел., ранено 3 чел. и похищено 292 тыс. руб.¹⁷

Поимка этой опасной банды осложнялась тем, что ее члены не являлись профессиональными преступниками. Милиция делала ставку на поиск опытных и неоднократно судимых бандитов, исходя из того что новички вряд ли решатся на столь дерзкие налеты. Поэтому работа с традиционными информаторами, т. е. причастными к криминальному миру людьми, результатов не дала. Ключевым моментом в ликвидации банды и в самом деле стал тот самый эпизод со звонком в сберкассу, который обыгрывает Л. Каневский в своей передаче. 9 января 1953 г. в 11:00 преступники ворвались в помещение сберкассы, нанесли побои сотрудникам, но контролер успела дать тревожный сигнал.

Как уже говорилось, сотрудники милиции не бросились по тревожному сигналу, а просто позвонили в сберкассу, чтобы спросить, что случилось. Нельзя не признать, что в этот момент была упущена реальная возможность взять банду на месте преступления. После того как преступники ответили на звонок милиционеров: «Нет, это стадион», для проверки сигнала к сберкассе был отправлен один (!) сотрудник милиции. Он не сразу нашел вход в помещение, зачем-то пошел в находившуюся рядом столовую. Именно в этот момент банда покинула сберкассу, унося с собой 30 тыс. руб.¹⁸ Конечно, если бы сотрудник сразу вошел в помещение сберкассы, то застал бы там всю банду, но не исключено, что для него такая встреча имела бы фатальные последствия. Остается только гадать, почему сотрудники милиции на срабатывание сигнализации не отправили сразу наряд из нескольких человек, ведь о деятельности банды было известно уже давно.

В фильме «Черная кошка» авторы сценария попытались представить начало преступной деятельности главаря банды Митина благородными мотивами: поиск денег для больного отца товарища, который по ложному обвинению попал в тюрьму. На самом деле никаких благородных мотивов у него не имелось. Возможно, ему доставало острых ощущений, хотелось почувствовать себя бравым ковбоем или разбойником. Бесспорно, на первом месте было желание вкусно есть, сладко пить и спать, т. е. вести роскошный образ жизни. На протяжении всего 1950 г. и далее Митин и его компания почти ежедневно пьянствовали в пивных Красногорска, тратя при этом много денег. Компанию, которая имела репутацию кутил как в точках общепита, так и среди соседей, охотно угощали в долг, зная по опыту, что деньги будут отданы¹⁹.

Конечно, налицо ошибки в работе московской милиции. Однако надо заметить, что в послевоенные годы сотрудникам органов внутренних дел приходилось работать в очень сложных условиях. Многие милиционеры пришли на службу с завода или с фронта, не имея соответствующего опыта, подготовки и знаний — их приходилось приобретать в процессе работы. Герой фильма «Место встречи изменить нельзя» Володя Шарапов погружается в работу в уголовном розыске, придя с фронта. Его наставник Глеб Жеглов немногим старше — в фильме Жеглова играет Высоцкий, которому на момент выхода фильма было 40 лет, а по роману Вайнеров Жеглову всего 26 лет. О своем образовании он говорит: «Три класса, два коридора». Очевидно, что у него нет специального образования, так как он только планирует поступать на юридический. Поэтому ошибки были неизбежны. К этому надо добавить элементарную нехватку личного состава, транспорта. Если вернуться к описанному выше случаю, то, возможно, в январе 1953 г. отправить к сберкассе было просто некого; не имелось и транспорта, чтобы срочно доставить туда группу постовых милиционеров и оцепить здание.

Усилия милиции должны были направляться на выполнение большого ряда задач. В фильмах про послевоенную милицию ситуация представлена так, что проблема заключается в одной-единственной банде: она страшная, трудноуловимая, но если ее поймать, то все будет хорошо, наступят спокойствие и правопорядок. На самом деле одну банду ловили — возникали другие, одновременно в одном месте могло действовать несколько банд, причем входить туда могли как опытные уголовники, так и те, кто внешне вел законопослушный образ жизни. В это время, т. е. в 1952 г., в Московской области была ликвидирована еще одна банда из 10 чел., возглавляемая Ефимовым; ее членами тоже являлись не многократно судимые уголовники, а рабочие различных заводов, один даже состоял в комсомольской организации. Эта преступная группа специализировалась на уличных грабежах, за период с июля по ноябрь 1952 г. совершив 10 ограблений на улицах Москвы и в небольших городах Подмосковья²⁰.

Естественно, продолжали действовать и профессиональные уголовники, как одиночки, так и банды. Банда Марщука, о которой говорилось в публикации газеты «Мир криминала», существовала реально. Давид Михайлович Курлянд оставил достаточно интересные мемуары, один из эпизодов которых как раз связан с поимкой этой банды. Она и в самом деле представляла серьезную угрозу: в нее входило 19 чел. и на ее счету было 10 убийств. Кроме того, в послужном списке банды есть кражи и грабежи, в частности Курлянд рассказывает об ограблении магазина курортторга в Обсерваторном переулке: убиты два сторожа, похищено много продовольственных и промышленных товаров, в том числе папирос, шоколада, конфет (это вполне соответствует одному из эпизодов фильма «Место встречи изменить нельзя»)²¹.

Однако если в газете «Мир криминала» сказано, что банда была ликвидирована в 1946 г., то Курлянд указывает 1949 г. Не упоминает он и целый ряд деталей, которыми в газете привлекают внимание читателя, зато подробно описывает кропотливую работу сотрудников розыска по сбору информации.

Именно благодаря этому был задержан по подозрению в причастности к убийствам и грабежам некий Петров. После нескольких допросов он рассказал про своего главаря и подельников. Их арестовали, главарь банды Марщук достаточно быстро начал давать показания. Одновременно велась работа по поимке еще одной преступной группы, которая, как потом выяснилось, была частью банды Марщука. Именно эта часть банды ограбила магазин курортторга в Обсерваторном переулке. Благодаря работе с населением удалось выявить свидетелей, которые показали, что в ночь ограбления видели нескольких человек с большими узлами и чемоданами. При отработке жилого сектора, где были замечены подозрительные люди (путем выявления судимых и неработающих среди жителей улицы, проверки подвалов и чердаков домов), в одном из подвалов нашли украденные товары.

Была организована грамотная засада: предусмотрели необходимость отрезать пути отхода преступникам, поэтому никаких эффектных погонь по улицам и катакомбам Одессы не случилось: «Наши сотрудники имели сильные фонари. Подвалы оказались очень большие, а поэтому участники оперативной группы хорошо там устроились. Более пяти часов прошло, пока они из темноты подвала увидели, что по лестнице спускаются в подвал два человека. Сотрудники заняли свои заранее подготовленные места, чтобы «достойно» встретить пришедших. Как только эти два человека подошли к чемоданам, они были тут же задержаны и отведены в другие отсеки подвала, и там они находились под охраной наших сотрудников. Так участники оперативной группы поступили еще два раза, и задержанных было уже 6 человек»²². Остальных бандитов задержали на основании показаний их подельников по месту жительства, тоже без погонь и эффектных трюков. Кроме того, в мемуарах Курлянда нет самого главного — упоминания легендарного названия «Черная кошка» и использования членами банды фирменного знака в виде рисунка или живого котенка.

Впрочем, это не единственный эпизод, когда Одесса позиционируется как родина знаменитой банды. В 2009 г. автор настоящей статьи приобрела на сувенирном лотке в Одессе книгу Василия Беляева «Конец банды “Черная кошка”». Записки сотрудника Одесского УГРО» (Одесса, 2009). Книга позиционируется издательством как мемуары Василия Георгиевича Беляева, занимавшего до 1947 г. должность начальника отдела по борьбе с бандитизмом УМВД в Одессе. Там предложена история другой банды под названием «Черная кошка». Согласно этому изданию, «Черная кошка» объявилась в Одессе сразу после освобождения города от фашистов весной 1944 г. и возглавлял ее некий Бибергал по кличке Дзюта. Название банды возникло примитивно просто: ее члены любили собираться и шиковать в дорогом ресторане на улице Троицкая, который назывался «Черная кошка». Однако долг историка обязывает осторожно оценивать данное издание. Пока не удалось найти каких-либо официальных документов, в том числе архивных, подтверждающих правдивость книги. В мемуарах Курлянда подобные сюжеты отсутствуют. Более того, фамилия Беляев у него не упоминается ни разу.

Очень интересны мемуары бывшего сотрудника рязанского уголовного розыска Тимофея Александровича Сивака. В годы войны он был назначен

начальником уголовного розыска городского отдела милиции. Страницы воспоминаний Сивака, посвященные 1943 и 1944 гг., так и озаглавлены: «Банда “Черная кошка”»: «В Рязани появились две бандитские группы. Среди уголовно-преступного элемента они называли себя банда “Черная кошка”. В это время это название распространялось во многих городах Советского Союза. “Черные кошки” считались очень опасными»²³.

Первую банду возглавляли некий Андрей Барабанов и братья Вавиловы, на ее счету — ряд ограблений магазинов и квартир граждан; на вооружении банды был пистолет ТТ. Стало известно, что у Барабанова имеется любовница, которая живет на улице Подбельского; там и устроили засаду. Однако первая попытка задержать закончилась неудачей, главарь убил сотрудника милиции и скрылся. Некоторое время спустя подозреваемого заметили на улице Садовой. Сивак и его товарищи бросились на задержание. Герои фильма «Место встречи изменить нельзя» передвигались на старом трофейном автомобиле, но у рязанских милиционеров не имелось и его. Погоня осуществлялась верхом на лошадях, однако рязанские улицы в то время были замощены булыжниками, и цокот подков подсказал преступнику, что опасность рядом, поэтому он пустился в бегство. Происходившее далее вполне может считаться эффектной концовкой захватывающего боевика: погоня бегом и на лошадях продолжалась по всему центру Рязани, по тревоге поднялись военные. Развязка произошла на улице Фрунзе, где преступник спрятался у сараев, а улицу оцепили военные. Загнанный в угол бандит ожесточенно отстреливался, попытка спустить на него служебную собаку закончилась неудачей. Рискуюя собой, рязанские милиционеры продолжали бой; наконец, им удалось смертельно ранить бандита. В результате перестрелки был задержан и Вавилов, который тоже не попал под суд: будучи тяжело ранен, он умер в больнице. Зато остальные члены банды получили большие сроки²⁴.

В 1944 г. в Рязани появилась еще одна «Черная кошка». Стало известно об ограблении квартир на улице Ленина и на Первомайском проспекте. Преступники были в масках и с оружием в руках. Раскрытием этих преступлений занимался один из сотрудников уголовного розыска, оперуполномоченный Виктор Кириллин. Благодаря работе с агентурой, он скоро доложил о подозреваемом — некоем Евгении Петрове-Метелёве, недавно освободившемся из заключения, нигде не работавшем, покидавшем свое жилье только вечером и ночью. Кириллин начал разрабатывать окружение подозреваемого, пока осенью не случилась трагедия. И опять центром событий стала улица Подбельского. Там в годы войны располагался кинотеатр «Ким» (сейчас в этом здании элитная гостиница и ресторан). Кириллин пошел в кино, но в фойе перед сеансом к нему подошел неизвестный и выстрелил в него из пистолета. В больнице милиционер скончался. Наглость преступников не имела предела. После совершения убийства они перешли в кинотеатр «Октябрь», находившийся рядом, и стали привлекать к себе внимание развязным поведением. В кинотеатре оказался сотрудник органов госбезопасности, он сделал хулиганам (как он думал) замечание, в ответ также прозвучал выстрел.

Эти два убийства сотрудников правоохранительных органов посеяли панику в городе. Люди боялись заходить в кинотеатры. Сотрудники милиции и госбезопасности работали в усиленном режиме и в результате нашли и задержали Петрова-Метелёва. Первоначально он не хотел давать показания, однако через некоторое время обещал рассказать все лично самому Сиваку. Его признания словно созданы по канонам приключенческого жанра: бандит признался в грабежах на улице Ленина и на Первомайском проспекте, а также в убийствах в кинотеатрах, при этом отдал должное начальнику уголовного розыска. Клялся, что уважает его за честность и принципиальность: «Я тебе, начальник, все рассказываю честно. Мы тебя за твою честность уважали. Ты нам никогда “нахалку” не давал — что наработали, то получали. Чужие дела ты нам не приписывал»²⁵. Однако в то же время арестованный признался, что, совершив пару преступлений, члены банды поняли, что Кириллин и Сивак их быстро поймают, и тогда они решили убрать обоих. Убийство Криллина, как уже известно, было совершено нагло и демонстративно. Сивака пытались убить на улице ночью, но испугались. Также Петров-Метелёв охотно рассказал о своих поделщиках, впоследствии арестованных и осужденных военным трибуналом.

По мемуарам Сивака также трудно установить, кто именно дал знаменитое название этим бандитским группам: называли ли они так себя сами или народная молва, узнав о дерзких преступлениях, начала шептаться о том, что «Черная кошка» добралась и до Рязани. Никто из них не подбрасывал животных и не рисовал черную кошку. Однако бесспорно, что по наглости и степени опасности эти преступные группировки вполне сопоставимы с образом киношной «Черной кошки» и с бандой Митина, а усилия, упорство и мужество рязанских милиционеров — с подвигами героев всех фильмов о послевоенной милиции.

Записки Тимофея Александровича Сивака, а также жителя Севастополя Г. Задорожникова подчеркивают, что в общественном сознании и в самом деле был очень распространен миф о страшной банде под названием «Черная кошка». Конечно, сознание граждан соединяло действия банды Митина, который в первую очередь грабил магазины и сберкассы, и действия банды Ефимова, который специализировался на уличных грабежах. Люди не могли знать, что это разные преступные группы, и для них это в самом деле было безразлично, так как в любом случае означало низкий уровень безопасности. Поэтому любое дерзкое преступление вызывало страшные ассоциации: действует «Черная кошка».

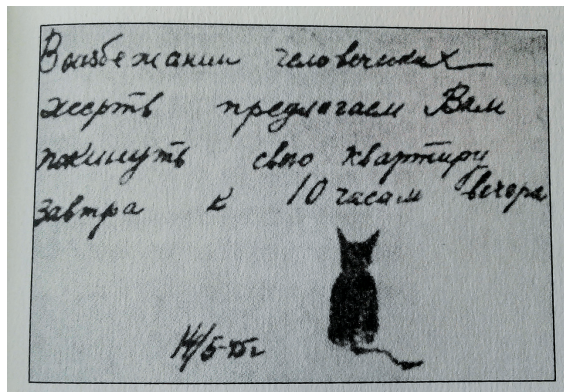
Сами преступники подогревали слухи о страшной банде, охотно пытались примерять на себя ее криминальную славу, даже преступник-одиночка мог напугать жертву заявлением, что он — член «Черной кошки». Например, некий Грибков, арестованный за две попытки ограблений с изнасилованием, пугал своих жертв подобным заявлением²⁶. Расчет прост: парализовать жертву страхом. «Лапки кверху и не чирикай», — говорит в фильме Жеглов. Более того, слухи о страшных преступлениях, убийствах и грабежах могли возникнуть даже когда ничего подобного не было. Например, в 1946–1947 гг. в Костроме говорили о страшной банде, включавшей не менее 30 чел., совершавшей убийства и грабежи, похищавшей детей, в то время как за весь 1946 г. ни одного убийства

Дом, где собиралась подростковая «Черная кошка». Ленинград, ул. Пушкинская, 8 (фото автора)

с ограблением не произошло. Можно согласиться с утверждением профессора И. В. Говорова: распространению слухов способствовала не только в целом беспокойная обстановка в стране, но и чрезмерная закрытость самих правоохранительных органов, отсутствие у народа какой-либо информации об уровне преступности и мерах, принимаемых против нее²⁷.

Более того, образ страшной банды активно использовали хулиганы и подростки, пытавшиеся приобщиться к блатной романтике. Неоднократно в литературе обыгрывается история подростковой группировки, ликвидированной в Ленинграде на ул. Пушкинской, 8²⁸. Именно там в течение нескольких месяцев конца 1945 — начала 1946 г. произошли сразу три квартирных кражи. Подозрение пало на подростка, жившего в этом же доме. Однако улики против него не было, и паренька отпустили. Через некоторое время сотрудникам милиции поступила агентурная информация, что в доме планируется еще одна кража. Причем совершить ее должна опасная банда «Черная кошка». Естественно, устроили засаду, результатом которой стало задержание двух подростков, в том числе того, которого ранее уже подозревали в краже. Мальчики признались, что являются членами преступного сообщества, или кодлы, как они себя называли, которой дали название «Черная кошка». За пару недель до этого успешного предотвращения кражи в одной из квартир в доме на ул. Пушкинской собралась группа подростков. Сбор происходил по всем правилам конспиративного жанра: приходили по одному разными путями, через парадный или черный ход. Также по правилам конспирации придумали клички — Том, Лимон, Чеснок, Капитан, Чук, Гек, Волк, Пират. Именно кличками была подписана клятва (фактически устав шайки «Черная кошка»). Члены шайки клялись

Одна из записок от имени «Черной кошки»
(источник: Тарасов А.Д. Век российского бандитизма. М., 2001. Вклейка)

Конверт с этим рисунком адресат
вытащил из ящика для писем

Еще одна записка от имени «Черной кошки»
(Тарасов А.Д. Век российского бандитизма.
М., 2001. Вклейка)

безоговорочно подчиняться вожаку, поровну делить добычу, поддерживать друг друга. В лучших пиратских традициях клятву подписали кровью. Кроме того, члены шайки сделали на руках наколки в виде кошачьей головы.

Ленинградские мальчишки с Пушкинской улицы были не единственными, кто решил использовать образ страшной банды «Черная кошка». В конце 1945 г. в Коломенском районе Подмосковья на самых видных местах (на заборах, дверях домов) стали появляться рукописные объявления, где гражданам предлагалось подчиниться «Черной кошке».

Советский Союз накопил достаточно богатый опыт по выявлению авторов анонимок²⁹, поэтому милиция быстро установила, что писали объявление подростки, ученики 7-го класса. Мотивы этих хулиганств оказались разными: кто-то маялся от нехватки организованного подросткового досуга, кому-то хотелось свести счеты с соседом. Жертвой «чернокошачьего» хулиганства стал даже самый знаменитый голос СССР — диктор Всесоюзного радио Юрий Левитан. Он тоже получил записку с угрозой: «Ждите Черную кошку». В квартире устроили засаду, в результате которой у почтового ящика заметили десятилетнего школьника с листочком бумаги в руках, на котором была написана новая угроза от «Черной кошки». Ребенок признался, что хотел пошутить над хмурым дядей. В его представлении хмурый вид являлся признаком плохого характера³⁰.

В историях о подростковых «Черных кошках» смешались все реалии военных лет: бедность, недостаток внимания к подросткам, многие из которых росли без отцов. Им не хватало не только еды и теплой одежды, но и разумно организованного стремления к романтике и приключениям. Члены ленинградской кодлы заимствовали клички из детской приключенческой литературы: Чук и Гек — герои детской повести Аркадия Гайдара; популярны у советских мальчишек были «Приключения Тома Сойера» Марка Твена, повести про пиратов. Напускная конспирация (приходить и уходить с собрания по одному) сочеталась с позерством — отличительной наколкой, явно деконспирирующей банду.

Благодаря каждодневной рутинной и героической работе советских милиционеров, таких как одессит М. Д. Курлянд, рязанцы Т. А. Сивак, В. Кириллин, москвич В. Арапов и многие другие, к концу 1950-х гг. уровень криминальных проявлений сильно снизился. При всех негативных сторонах советского бюрократического аппарата, которые отразились и на работе милиции³¹, нельзя не признать: 1960–1970-е гг. были достаточно спокойными и безопасными. Граждане не боялись гулять по ночам, отпускать детей на улицу без сопровождения взрослых, а в небольших городах и поселках даже не запирали двери.

Разгул криминала в послевоенные годы тоже порой порождал появление мифов о благородных разбойниках. Как отмечал петербургский историк И. В. Говоров, НКВД зафиксировал слухи о якобы имевшихся случаях, когда грабители подарили бедно одетой девушке шубу или дали денег. Социальная подоплека слухов о благородных разбойниках оказалась уже несколько иной, не связанной с реакцией на социальное неравенство в условиях растущего капитализма. Советские люди в основной массе жили достаточно бедно, и уровень социального расслоения ощущался не так остро. Советская идеология

внушала людям, что в государстве нет социального неравенства, соответственно, потребность в защитниках из криминального мира была ниже, чем в период формирования капитализма. И. В. Говоров вполне логично предположил, что такие слухи порождали сами представители криминальной среды, чтобы привлекать на свою сторону больше молодежи³². И конечно, деятельность банд в большей степени вызывала страх, а не надежду на помощь. Страх перед новой волной преступного взрыва в народе поселился надолго. Память об амнистиях 1946 и 1953 гг. отразилась в обращениях советских людей, написанных в преддверии 50-летнего юбилея Великой Октябрьской социалистической революции. Например, житель Москвы Кузнецов в 1967 г. в письме в Совет министров СССР фактически умолял власть: «Дорогие товарищи, не омрачайте 50-летие Октября преждевременным освобождением хулиганов и бандитов, что имело место в 1953–1954 года[х]»³³.

В. А. Иванов справедливо отметил, что советская власть, решая задачу борьбы с преступностью, в том числе подростковой, использовала в первую очередь не воспитательные, а репрессивные меры³⁴. Об этом же свидетельствует и И. В. Говоров, характеризуя борьбу власти с профессиональной преступностью³⁵. Это в целом соответствовало традиции как советской власти, так и самого общества: при решении различных социальных задач приоритет отдавался насильственным методам. В результате сформировалась еще одна черта общественного сознания россиян: при обсуждении вопросов борьбы с правонарушениями на первое место стали ставиться именно карательные меры, а значение воспитательных и социальных мер несколько недооценивалось. Не случайно в сериале «Ликвидация» и в фильме «Три дня в Одессе» отражена еще одна криминальная легенда, согласно которой с преступностью в этом городе боролись кардинальным и простым методом: сотрудники госбезопасности провоцировали преступников на попытки совершить грабёж и физически их ликвидировали (пока не удалось найти каких-либо подтверждений этому).

Перестройка, наступившая в начале 1980-х гг. и заложившая основы рыночной экономики и классического парламентаризма с многопартийностью и разделением власти на три ветви, не может не быть признана позитивным опытом. Будучи переходным периодом, она сопровождалась целым рядом проблем: ухудшением жизненного уровня людей, дефицитом даже самых элементарных промышленных и продовольственных товаров. Все это опять повлекло за собой рост преступности. Народ ждал от власти самых решительных мер. В письмах, которые граждане направляли в органы власти и Б. Н. Ельцину, наиболее популярному политику в конце 1980-х гг., содержались предложения о борьбе с преступностью в самых резких и решительных формулировках. Даже за незначительные нарушения общественного порядка требовали установить высокие штрафы. Например, один гражданин предложил установить штраф в размере 50 руб. (в то время зарплата у многих была не выше 100 руб.) даже за такое действие, как грубость старшим³⁶. Лиц, совершивших уголовные преступления, предлагалось пожизненно изолировать от общества или ликвидировать вообще: «Шире применять смертную казнь, повешение прямо на площадях. Почему к отбросам общества, махровым убийцам, ворам

и негодьям всех мастей должны применяться гуманные подходы и законы, в то время когда они к обществу применяют самые низменные методы насилия?»³⁷. «Преступников, независимо от возраста и количества преступлений, из общества изъять, израсходовать мускульную силу на благо общества и после переработать на удобрение (меньше будет нитратов)»³⁸.

Таким образом, криминальные мифы стали одним из элементов общественного российского сознания, отразили процесс формирования ментальных установок, пройдя логичный путь эволюции, который неотрывно связан с этапами российской истории. А. Г. Иванов совершенно точно отмечает: «Рефлексия в социальной мифологии редуцируется к осмыслению текущего опыта в рамках привычных социокультурных ценностей. При этом смена мифологических координат, мифо-ритуальных практик может происходить лишь в результате кардинальных изменений окружающей среды социального контекста»³⁹. В начале XX в. развитие капитализма неизбежно вызывало сильное социальное расслоение, что, в свою очередь, стало создавать несколько романтизированный образ преступности. В общественном сознании появились мифы о благородных разбойниках, которые грабят только богатых и делятся награбленным с простым народом. Советская власть частично использовала эти мифологические образы: некоторые из представителей дореволюционного криминального мира перешли на сторону советской власти, и их криминальным деяниям был придан характер классового протеста.

Потрясения в истории Советской страны XX в. (война, низкий уровень жизни народа) обусловили не только высокий уровень преступности, но и распространение наиболее страшных видов нарушений законности — бандитизма, убийств и грабежей. Это создало в российском общественном обществе интересный феномен — образ страшной и неуловимой банды «Черная кошка». В ходе исследования пока не удалось установить, где и когда возникла банда, называвшая себя «Черной кошкой» и использовавшая образ этого животного для устрашения людей, и существовала ли такая банда вообще. Однако очевидно, что образ возник не на пустом месте: в военные и послевоенные годы было немало преступных сообществ, которые наводили ужас на людей. О массовости и распространенности этого образа свидетельствует его упоминание в мемуарах и популярность у режиссеров и журналистов.

Миф о «Черной кошке» повлиял и на некоторые ментальные установки: соединившись с традицией общественного сознания отдавать приоритет насильственным методам при решении социальных задач, он сыграл свою роль в формировании представления о необходимости бороться с преступностью в первую очередь репрессивными методами.

Повышение авторитета государственных органов — один из аспектов развития взаимного доверия между народом и властью, что является обязательным атрибутом формирования гражданского общества. Миф о банде «Черная кошка» и история борьбы с бандитизмом в послевоенный период могут быть использованы и в этом аспекте. Образы сотрудников уголовного розыска — Давида Гоцмана, Володи Шарапова, Глеба Жеглова — стали культовыми,

признаны достойными восхищения. Обращение к этой теме в кинематографе можно назвать вполне заслуженной данью уважения к сотрудникам милиции, которые в сложнейших условиях смогли навести порядок в стране и обеспечить советским людям спокойную жизнь. Сегодня этот эпизод российской истории способен стать одним из инструментов повышения имиджа современных органов внутренних дел и государства в целом.

¹ Михайлов Д. Н. Политическая мифология: проблема определения, структура и функции // Вестник Воронежского государственного университета: Философия. 2010. № 2. С. 120.

² Иванов А. Г. Понятие и система социальной мифологии // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 4. С. 251.

³ Михайлов Д. Н. Политическая мифология... С. 121.

⁴ Шмерлинг В. Котовский. М., 1946. С. 14.

⁵ Тепляков А. Г. Криминал и власть в эпоху становления советской государственности // Новый исторический вестник. 2015. № 45. С. 50.

⁶ Шейнин Л. П. Записки следователя. М., 1968. С. 166.

⁷ Митина В. «Волкодав» с Молдаванки // Мир криминала. 2016. № 1. С. 28–29.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 709. Л. 64.

⁹ Там же. Л. 230.

¹⁰ Там же.

¹¹ Берников В. М. Из воспоминаний. Б. м., б. г. (из личного архива автора статьи).

¹² Там же.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 709. Л. 731.

¹⁴ Задорожников Г. Мемуары старого мальчика. Б. м., б. г. С. 132.

¹⁵ Перов И. Ф., Кузнецов М. В. История рязанской милиции: в 2 т. Рязань, 2001. Т. 2. С. 6.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 230. Л. 139.

¹⁷ Там же. Л. 2–4.

¹⁸ Там же. Л. 27.

¹⁹ Там же. Д. 253. Л. 134.

²⁰ Там же. Д. 230. Л. 31.

²¹ Курлянд Д. М. Воспоминание ветерана уголовного розыска города-героя Одесса // Из фондов музея истории Одесской милиции. Л. 190.

²² Там же. Л. 191.

²³ Сивак Т. А. Воспоминания. Б. м., б. г. Л. 7 (из личной коллекции автора статьи).

²⁴ Там же. Л. 14.

²⁵ Там же. Л. 24.

²⁶ Тарасов А. Д. Век российского бандитизма. М., 2001. С. 230.

²⁷ Говоров И. В. Проблема слухов и гласности в деятельности МВД в послевоенные годы // История государства и права. 2004. № 2. С. 38.

²⁸ Там же. С. 39; Иванов В. А. Мероприятия Ленинградского управления НКВД по пресечению детской преступности в период массового возвращения городского населения в 1944–1945 гг. // Россия в XX веке: проблемы политической, экономической и социальной истории: сб. науч. статей. СПб., 2008. С. 159; Тарасов А. Д. Век российского бандитизма. С. 229.

²⁹ Иванов В. А. Анонимщики и власть в советской России в 1930–1960-е гг. // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 37.

³⁰ Тарасов А. Д. Век российского бандитизма. С. 230.

³¹ Shelley L. L. Policing Soviet Society: The Evolution of State Control // Law & Social Inquiry 1990. No. 15. С. 520.

³² Говоров И. В. Проблема слухов и гласности... С. 41.

³³ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 101. Д. 1412. Л. 86.

³⁴ Иванов В. А. Мероприятия Ленинградского управления НКВД... С. 159.

³⁵ *Говоров И. В.* Советское государство и преступный мир (1920–1940-е гг.) // Вопросы истории. 2003. № 11. С. 151.

³⁶ ГАРФ. Ф. А-664. Оп. 1. Д. 143. Л. 16.

³⁷ Там же. Д. 73. Л. 52.

³⁸ Там же. Д. 70. Л. 32 об.

³⁹ *Иванов А. Г.* Понятие и система социальной мифологии. С. 252.

Статья поступила в редакцию 14 апреля 2018 г.

Рекомендована в печать 3 декабря 2018 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Попова А. Д. Легенды о банде «Черная кошка» как отражение феномена криминальных мифов в российском общественном сознании // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 1. С. 233–251. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.114>
УДК 94 (47)

Аннотация: Автор рассматривает феномен криминальных мифов в российском общественном сознании. Криминальные мифы представлены как элемент социальной мифологии, которая возникает и эволюционирует в процессе исторического развития общества, отражает социальную реальность и меняется вместе с ней. Автор использовал различные исторические источники: советскую пропагандистскую литературу, архивные материалы, советские фильмы, мемуары советских граждан и сотрудников правоохранительных органов. Показана эволюция мифов в контексте истории российского общества, большое внимание уделено возникновению в послевоенные годы легенды о банде «Черная кошка». Статья показывает отражение этой легенды в российском массовом искусстве: книгах и фильмах. Рассмотрены причины ее возникновения, символическая составляющая; также предпринята попытка проанализировать степень ее достоверности. Феномен образа банды «Черная кошка» может рассматриваться двояко. С одной стороны, это олицетворение беззакония, зла, корысти и жестокости, с другой — существует еще одна символическая сторона этого мифа, а именно советские милиционеры, прилагавшие огромные усилия и проявлявшие большое личное мужество для поимки банды. Создание позитивных образов сотрудников уголовного розыска в массовой культуре — Давида Гоцмана, Володи Шарапова, Глеба Жеглова — вполне заслуженная дань уважения к сотрудникам милиции, которые в сложнейших условиях смогли навести порядок в стране и обеспечить советским людям спокойную жизнь.

Ключевые слова: общественное сознание, социальные мифы, легенды, преступность, массовое искусство, бандитизм, уголовный розыск.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-09-00130\18 «Эволюция ценностей и идей гражданского общества в ментальных установках российского общественного сознания»

Сведения об авторе: *Попова А. Д.* — д-р ист. наук, проф., Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина (Рязань, Россия); a.d.popova@mail.ru

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Россия, 390000, Рязань, ул. Свободы, 46

FOR CITATION

Popova A. D. 'Legends of the "Black Cat" Gang as a Reflection on the Phenomenon of Criminal Myths in Russian Public Consciousness', *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 1, 2019, pp. 233–251. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.114> (In Russian)

Abstract: This article discusses criminal myths in the Russian public consciousness as an element of social mythology that arises and evolves in the process of society's historical development and reflects social reality and

changes. Using Soviet propaganda literature, archival materials, Soviet films, and memoirs of Soviet citizens and law enforcement officials, the author shows how the evolution of these myths reflected the course of Russian history. Much attention is paid to the appearance in the post-war years of the legend of the dangerous "Black Cat" gang in Russian mass art books and films. Using archival materials and memoirs of Soviet citizens and analyzing causes of this criminal myth, the author showed the symbolic side of this myth and the degree of its reliability. The image of the "Black Cat" gang can be interpreted in two ways in addition to being a symbol of criminal activity: as the personification of evil, self-interest, and cruelty; and as the Soviet police, who made great efforts and showed great personal courage to catch the gang. Images of employees of the criminal investigation department in relevant films—David Gotsman, Volodya Sharapova, and Gleb Zheglov—became models for imitation and admiration. This can be called a well-deserved tribute to the police officers who, under the most difficult conditions, were able to restore order in the country and ensure a quiet life for the Soviet people.

Keywords: public consciousness, social myths, legends, crime, criminal investigation, banditism, mass art.

This research was supported by "Russian Foundation for Basic Research", no. 18-09-00130\18 "Evolution of values and ideas of civil society in the mental attitudes of the Russian public consciousness project".

Author: *Popova A. D.* — Dr. Sci. in History, Professor, S. A. Esenin Ryazan State University (Ryazan, Russia); a.d.popova@mail.ru

S. A. Esenin Ryazan State University, 46, Svobody st., Ryazan, 390000, Russia

References:

Govorov I. V. 'Problema sluhov i glasnosti v deyatelnosti MVD v poslevoennye gody', *Istoriya gosudarstva i prava*, no. 2, 2004.

Govorov I. V. 'Sovetskoe gosudarstvo i prestupnyj mir (1920–1940-e gg.)', *Voprosy istorii*, no. 11, 2003.

Ivanov V. A. 'Anonimshchiki i vlast v sovetskoj Rossii v 1930–1960-e gg.', *Modern History of Russia*, no. 1, 2011.

Ivanov V. A. 'Meropriyatiya Leningradskogo upravleniya NKVD po presecheniyu detskoj prestupnosti v period massovogo vozvrashcheniya gorodskogo naseleniya v 1944–1945 gg.', *Rossiya v XX veke: problemy politicheskoy, ekonomicheskoy i socialnoy istorii: sb. nauch. statey* (St. Petersburg, 2008).

Ivanov A. G. 'Ponyatie i sistema social'noj mifologii', *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*, no. 4, 2011.

Mikhaylov D. N. 'Politicheskaya mifologiya: problema opredeleniya, struktura i funkcii', *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, Filosofiya*, no. 2, 2010.

Mitina V. "'Volkodav" s Moldavanki', *Mir kriminala*, no. 1, 2016.

Perov I. F., Kuznetsov M. V. *Istoriya ryazanskoy militsii*, Vol. 2 (Ryazan, 2001).

Sheynin L. R. *Zapiski sledovatelya* (Moscow, 1968).

Shmerling V. *Kotovskiy* (Moscow, 1946).

Teplyakov A. G. 'Kriminal i vlast v epokhu stanovleniya sovetskoj gosudarstvennosti', *Novyi istoricheskij vestnik*, no. 45, 2015.

Received: April 14, 2018

Accepted: December 3, 2018